Ольга В. Пинчук
Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия

Дмитрий М. Рогозин
Институт социологии РАН; Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва, Россия

«На пляж шестидесятым автобусом»: автоэтнографические толкования стандартизированных интервью с пожилыми людьми об интимной жизни

Статья посвящена анализу восприятия сексуальности представителями старшего поколения. Ключевой вопрос, на который пытаются ответить авторы, — насколько целесообразны разговоры об интимном опыте с пожилыми в формате стандартизированного телефонного интервью? Эмпирической базой послужил архив аудиозаписей всероссийского репрезентативного телефонного опроса о практиках старения в совре-

Пинчук Ольга Владимировна — научный сотрудник Лаборатории методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Москва). Научные интересы: профессия полевого интервьюера, полевая этнография, биографический метод, метод включенного наблюдения, автоэтнография. E-mail: pinchuk-ov@ranepa.ru
Olga V. Pinchuk — Reserch Fellow of the Laboratory for Social Research Methodology, Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: professional field Interviewers, field ethnography, biographical method, participant observation, autoethnography. E-mail: pinchuk-ov@ranepa.ru
Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН, заведующий Лабораторией методологии социальных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС (Москва). Научные интересы: профессия полевого интервьюера, методология социальных исследования, полевая этнография, биографический метод, социология старения. E-mail: rogozin@ranepa.ru
Dmitry M. Rogozin — PhD in sociology, Head of the Laboratory for Social Research Methodology, Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: professional field Interviewers, social research methodology, field ethnography, biographical method, sociology of aging. E-mail: rogozin@ranepa.ru

менных российских семьях, проведенного Лабораторией методологии социальных исследований ИНСАП РАНХиГС в июле 2017 г. Для анализа было отобрано 26 аудиозаписей, из них 14 женщин и 12 мужчин. Статья выполнена в жанре автоэтнографического письма, где текст каждого из авторов персонифицирован. Стимулом к написанию статьи послужило общее для респонденток смысловое тождество интимной жизни и супружества. На вопрос о первом интимном опыте они сообщали возраст вступления в официальный брак, завершались интимные отношения по причине смерти или болезни супруга. Говорит ли это о том, что информанты не мыслят интимную жизнь вне брака? Или все же это попытка замаскировать таким образом неприемлемую для публичного дискурса тему? Есть ли основания утверждать о различиях в ценностях у людей, воспитанных в Советском Союзе, и молодежи, сформировавшейся уже в новом социальном контексте? Мы не сумели прийти к единым ответам, никто из нас не отказался от своей первоначальной интерпретации. Но в таком сугубо субъективном прочтении смыслов, вложенных респондентами в ответы на стандартизированные вопросы, и проявляются особенности автоэтнографического подхода. Задача статьи — сформировать не объяснение, а дискуссию.

Ключевые слова: интимность, сексуальность, методология социального исследования, социология старения, стандартизированное интервью, автоэтнография, пожилые люди

Olga V. Pinchuk, RANEPA, Moscow, Russia
Dmitry M. Rogozin, RANEPA, Moscow, Russia

"Getting to the beach by bus": autoethnographic interpretations of structured interviews with older people on intimate life

The article is devoted to the analysis of the perception of sexuality by the elderly. The key question that we are trying to answer is: are there any talks about intimate experience with the elderly. This article focused on the perception of sexuality by the elderly, and how appropriate it is to talk with the older generation about their first intimate experience. How are such conversations possible via a telephone interview? The empirical data was drawn from the archive of recorded telephone surveys on aging practices in modern Russian families. These surveys were conducted by Laboratory for Social Research Methodology (RANEPA, Moscow) in July 2017. For the analysis, we selected 26 total audio recordings; 14 from women and 12 from men. The motivation behind the article was the identity of intimate life and marriage of the respondents. Regarding the question of their first intimate experience, they reported the age of entering into an official marriage. They also reported than intimate relations ended due to the death or illness of a spouse. Does this mean that our respondents do not think of an intimate life outside marriage? Or is it an attempt to disguise the topic because it is unacceptable for public discourse? Is there any reason to assert the differences in values between people raised in the Soviet Union and young people that have come of age in a new social context? We should not reach for a single answer, and none of us gave up on our original interpretation. But in this strictly subjective reading of the respondent's answers, the

features of the autoethnographic approach are manifested. The task of the article is not to form an explanation, but a discussion.

Keywords: intimacy, sexuality, methodology, structured interview, autoethnography, elderly persons

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-101-124

Мы пишем текст об интимном опыте представителей старшего поколения, кому за 65. О том, что они понимают под «первой интимной близостью»; как в своих ответах связывают интимный опыт с женитьбой и замужеством; как говорят о сексе. Эмпирическая база — архив аудиозаписей всероссийского репрезентативного телефонного опроса о практиках старения в современных российских семьях, проведенного Лабораторией методологии социальных исследований ИНСАП РАНХиГС в июле 2017 г. Опрошено 2000 человек, из них 1120, или 56%, пожилых, и 880, или 44%, членов семей, с которыми говорили о пожилых. Но для этого текста цифры вторичны. Нас интересуют смыслы, доводы и аргументы, манера речи пожилых людей. Как они говорят об интимном опыте? Насколько готовы раскрывать его перед незнакомым человеком? Каким образом конструируют свою интимность, делают ее видимой? Как видим ее мы интимность? Какие смыслы и домыслы рождаются в наших толкованиях их ответов?

В традиционных академических статьях авторы не видны. Их голоса скрыты за объективированным «мы», обезличенными отглагольными существительными, инфинитивами и речевыми актами, в которых говорящий вынесен за скобки речи: «Можно рекомендовать следующие типичные конструкции в научной речи: можно признать, следует добавить, как было сказано, анализ показал, необходимо сделать вывод, думается и др. Стремление к ограниченному использованию авторского я — это не дань этикету, а проявление отвлеченно-обобщенной стилевой черты научной речи, отражающей форму мышления» [Чельцова, 2009, с. 344]. Но, отгородившись этой стеной объективации от читателя, автор тем не менее не способен в полной мере отстраниться таким образом от своего жизненного опыта, который, безусловно, влияет на его исследование. В то время как цель автоэтнографии — использовать собственный жизненный опыт, интерпретируя опыт других людей, обращая внимания на свои ощущения, мысли и эмоции [Ellis, Bochner, 2000, p. 736–738].

«Написанный от первого лица, автоэтнографический текст принимает различные формы — рассказ, поэзия, фикшн, фотографическое эссе (photographic essay), личное эссе (personal essay), короткие заметки (fragmented), разножанровые тексты, научно-социальная

проза» [Ellis, Bochner, 2000, p. 739]. Уход от канонической академической формы письма не лишает текст научной ценности, но, напротив, обогащает его новыми интерпретативными возможностями. В таком тексте автор обнажается перед читателем, открыто инкорпорируя свой опыт, как успешный, так и неудачный, свои переживания, размышления в процесс создания академического, осмысленного письма (см. подробнее [Рогозин, Колосов, 2016; Ellis, 2009; Adams, Jones, 2011; Jones, 2005; Adams, Jones, Ellis, 2015; Richards, 2008; Schneider, 2005; Ettorre, 2005]). Работая в русле коллаборативной автоэтнографии [Chang, Ngunjiri, Hernandez, 2013], мы попробуем разрушить вековую традицию отстраненного письма, явно обозначив реплики каждого участника текста.

Часть текста, связывающего повествование и указывающего на наши общие установки, останется в привычном формате. Но основные интерпретации будут разнесены на два блока. Отличать их можно по структуре набора: реплики Дмитрия будут смещены в левую часть страницы, Ольги — в правую. Это нужно не для разделения позиций и не для обозначения ответственности. Причина — в желании обеспечить автоэтнографичность текста, включить в него и контекст создания, дискуссионности и проблематичности отношения к представленному эмпирическому материалу.

В методе автоэтнографического письма мы не пионеры [Рогозин, 2015]. К счастью, подобная стилистика распространена во многих зарубежных академических журналах, и нам нужно лишь постараться воспроизвести ее в русскоязычной среде: повторить, скопировать, синхронизировать себя с миром академической автоэтнографии, в котором слабость аргументации выступает основой правдивости, а незакрытые противоречия и неподавленная эмоциональность — знаками важности и актуальности изучаемых вопросов.

Что мы хотим узнать?

> [Дмитрий] Количественные опросы принято отождествлять с процентными распределениями, цифрами, замещающими мнения россиян, рабочих, жителей городов или сел, женщин или мужчин. Редко кто обращает внимание на коммуникацию, за скобки выносятся смыслы, аргументы, доводы, лежащие в основании тех или иных ответов. Трудно отказаться от привычной, статистической схемы представления стандартизированных интервью, которые, как бы этого ни желали исследователи, остаются разговорами со всеми сопутствующими недомолвками, намеками, скрытыми смыслами. Остановимся на двух вопросах: «В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?» и «Сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?». Попробуем реконструировать особенности разговоров об интимном, состоявшихся в рамках, стандартизированных интервью, по своей природе

проходящих без какой-либо подготовки, задушевности, открытого личностного сопереживания.

> [Ольга] Всего я прослушала 26 аудиозаписей, из них 14 женщин и 12 мужчин. Отфильтровала записи по числу затраченных секунд на ответ о первом интимном опыте. Остановилась, выделила для анализа аудиозаписи 9 женщин и 5 мужчин.
>
> Просидела два дня, ровно 16 часов, прослушивая аудиозаписи. Выбирая самые продолжительные от 20 минут и больше, при среднем времени интервью 10–15 минут. Искала, слушала, пыталась вникнуть в интонации, особенности речи, но уже на пятой аудиозаписи поняла, что каждый раз спотыкаюсь о непонимание, невозможность принять точку зрения говорящих. Я не слышу отношения респондентов к своей интимности: их ответы, даже развернутые, не наполнены ничем скрытым, личностным, интимным. Уже пятая женщина 65 лет на вопрос о первом интимном опыте рассказывает, в каком возрасте она вышла замуж, а на вопрос о том, когда закончились интимные отношения, называет год похорон мужа. Получается полное сращивание смыслов: замужество и интимный опыт идут под знаком равенства. Пожилые дамы, принявшие участие в опросе, не могут представить, о каком интимном опыте может идти речь до брака. Так сформировался мой лейтмотив этой работы — фиксация уходящих реалий. То, что прежде было таким понятным и повседневным для старших поколений, но, кажется, безвозвратно устарело для нас, их внуков и правнуков. «На пляж шестидесятым автобусом...» — фраза одного из респондентов, жизнерадостного восьмидесятилетнего жителя Севастополя, который, будто пожимая плечами, отвечает интервьюеру, мол, вон, в прежние времена в 60-й автобус прыгнул, двадцать минут — и на пляже! И не нужны были ему другие моря, другие курорты. В этом чувствуется что-то советское, спокойное и стабильное, когда на пожелтевшей от времени кинопленке старенький «ЗИЛ», неспешно перебирая колесами, доставляет местных жителей и гостей города на черноморское побережье, под завязку забитое отдыхающими, шезлонгами и пляжными зонтами. Стабильная, без потрясений, жизнь.

[Дмитрий] Концептуализация советского — излюбленный прием исследователей, пытающихся обозначить межпоколенческие различия. У меня никогда это не получалось. Споткнулся впервые на просьбе Теодора Шанина написать текст в готовящийся сборник «Отцы и дети», посвященный этим самым различиям [Отцы и дети, 2005]. Не смог тогда принять левадовской концептуализации «простого советского человека», не могу и сейчас согласиться со «спокойным и стабильным», асексуальным человеком из прошлого. И одновременно вижу, насколько устойчивой и удобной становится объяснительная конструкция «уходящего прошлого» — другого, непохожего, непонятного, неузнанного. Объяснение, подкрепленное переживанием, чувством, удивительно прочно. Разрушить его не в моих силах. Разве что привнести толику сомнения, озадачить иной перспективой на «стабильную, без потрясений, жизнь», в которой «замужество и интимный опыт идут

под знаком равенства». Для кого? Как формируется подобное восприятие? Кому оно принадлежит и что объясняет?

Первый интимный опыт

[Ольга] Ответы женщин старшего возраста о первой интимной близости поразительно типичны: «замуж я вышла в таком-то возрасте». Возраст разный: и 19 лет, и 29. Но замужество здесь — основная причина первого интимного опыта: «Я замуж вышла, тогда и первое было» (фрагмент 9, Светлана Григорьевна, 78 лет, Московская область).

Следующая расшифровка подтверждает уже сказанное и дает новые смыслы в тему об окончании интимного опыта (фрагмент 1).

Фрагмент 1. Любовь Федоровна, 75 лет, г. Ростов-на-Дону

И: А можно вам задать несколько вопросов о вашей личной жизни, об интимном опыте?

Р: Ну, я, к сожалению, вдова.

(...)

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: Ну, я вышла замуж в двадцать четыре года, в двадцать пять родила первого ребенка.

И: Ну, то есть как мне отметить? Двадцать четыре года — первая интимная близость с партнером?

Р: Ну да, вышла замуж в двадцать четыре года.

И: Двадцать четыре года. Ну, то есть это и есть ответ на этот вопрос? Двадцать четыре года?

Р: Да.

И: А сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Ну, мужа похоронила и закончились.

[Ольга] Любовь Федоровна связывает свой интимный опыт непосредственно с фигурой мужа: он первый и единственный партнер (фрагмент 1). Потому все и закончилось, когда она мужа похоронила. И такой сюжет довольно типичный среди женщин старшего возраста. Например, отрывки из других интервью (фрагменты 2–4):

Фрагмент 2. Тамара Алексеевна, 69 лет, Белгородская область, г. Старый Оскол

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером? Сколько вам было лет?

Р: Ну-у, замуж я выходила в девятнадцать, на двадцатом году. Ну, в девятнадцать.

И: Скажите, а сейчас у вас есть интимные отношения?

Р: Нет у меня.

И: Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Мужа у меня нет уже 14 лет, все тогда и закончилось.

Фрагмент 3. Валентина Ивановна, 79 лет, Новосибирская область, Венгеровский р-н, село Ключевое

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: В шестидесятом году.

И: Нет, первая интимная близость.

Р: Ну, как близость? В шестидесятом году я выходила замуж.

(...)

И: А сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Ну, муж умер у меня в девяносто четвертом году, живу одна, никого у меня нет, ничего. Не нужны они мне — мужики. На фиг они нужны, мужики эти. Сейчас мужиков добрых-то нету. Нервы тратить только с ними.

Фрагмент 4. Анна Михайловна, 79 лет, г. Самара

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером? Можете сказать?

Р: Это с мужем?

И: Да, с мужем, или там, может быть...

Р: Это я замуж вышла в девятнадцать лет.

> [Ольга] Женщины во всех примерах имеют в виду замужество, упоминая как первый опыт, так и окончание интимных отношений. Они говорят об этом как о чем-то естественном, не считая нужным пояснять, почему первый интимный опыт случился именно после замужества и почему муж стал единственным партнером. Но о различиях нравов «тогда» и «сейчас» все-таки упоминает одна из собеседниц (фрагмент 5).

Фрагмент 5. Галина Николаевна, 72 года, Московская область, г. Пушкино

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: Ой, у меня был один партнер — муж, и все. Вышла замуж в девятнадцать с половиной лет где-то. Вот и все. Больше никаких у меня не было, ни чужих...

И: В девятнадцать лет, да?

Р: В девятнадцать. Девушкой... У нас же воспитание какое было раньше.

И: Да, раньше-то было да, хорошее воспитание.

Р: Хорошее — это вообще! Это честь! Это как вот? Замуж выйти без этого! Это вообще! А сейчас вон опыта набираются! Какие-то!

[Дмитрий] Диалог за диалогом, ответ за ответом формируют колоссальные различия между поколениями. Но разве эти ответы говорят о первом интимном опыте? Не ваша ли это интерпретация «первой интимной близости с партнером»? Не расходимся ли мы здесь с респондентами, которые связывают партнерство с замужеством, не различая иных форм или не желая их различать в разговоре с незнакомым человеком?

Только Галина Николаевна (фрагмент 5) однозначно утверждает о единственном сексуальном партнере в своей жизни: «у меня был один партнер — муж, и все». Остальные собеседницы не столь категоричны. Анна Михайловна (фрагмент 4) вовсе переспрашивает, о муже ли идет речь, и получает подтверждающий ответ «о муже, или там, может быть».

Интервьюер сама воспроизводит границы приличий, конструирует уместные в текущем разговоре различения. Она соглашается с замужеством, а иное даже не называет, не решается как-то обозначить иной опыт. А, может, у нее просто нет слов для этого? Возможно, интервьюер не готова поддерживать разговор о сексуальности, чурается, избегает, предохраняет себя и собеседницу от неудобных оборотов и воспоминаний? Если разговор о партнере трансформируется в разговор о муже и никак не корректируется интервьюером, может ли это обозначать безусловное равенство между замужеством и партнерством? Не наблюдаем ли мы здесь нечто иное, имеющее большее отношение к публичной репрезентации интимности, нежели чем к ее переживанию?

Женская приглушенная интимность

[Ольга] Своими ответами респондентки будто пытаются сменить тему интимности на более приемлемую в публичном дискурсе. Разговоры о первом интимном опыте, казалось бы, и правда не имеют ничего, связанного с отношением к собственному телу. Они определены теми установками, которые были привиты женщинам в процессе воспитания, некоторые социально одобряемые вещи, и от этого нельзя было отступать [Роткирх, 2011, с. 33-36]. Галина Николаевна в предыдущей расшифровке (фрагмент 5) говорит о воспитании, о чести. По сравнению с этим молодежь, которая «набирается опыта» путем смены партнеров, совсем другого воспитания, с другими установками.

[Дмитрий] Подождите, вот это и смущает в вашей интерпретации. Откуда такие обобщения о молодежи? Это личный опыт, влияние масс-медиа, разговоры с друзьями? Нет ли и здесь подмены, конструирование стереотипов? Нам очень сложно вырваться за рамки очевидности, само собой разумеющихся суждений. И здесь молодежь и пожилые определяются безусловно, как некоторая данность. Но разве мы точно можем различить поколенческие и возрастные различия в этих сюжетах? Возможно, интерпретации происходящего в прошлом обусловлены вовсе не сменой культурных кодов и мировоззренческих позиций, заложенных в «уходящем» поколении. Возможно, это возрастные изменения, связанные с переосмыслением происходящего в прошлом, аберрациями памяти? У нас нет на это ответа, но уже заготовлены обобщения, сравнения поколений, утверждение об асексуальности пожилых по сравнению с молодежью.

[Ольга] Для нашего, теперь уже российского, общества за период ста последних лет характерны очень серьезные изменения в социальной политике относительно сексуального и интимного в браке и за его пределами [Лебина, 2014; Роткирх, 2011]. Зачатки сексуальной революции в 20-е годы резко прерываются в сталинский период, когда сексуальное как отдельная сфера жизни стремительно вытесняется из публичных дискурсов, а любые вопросы взаимоотношения полов начинают замалчиваться. «Именно поэтому в 1960-е годы в Советском Союзе не произошло сексуальной революции, подобной той, которую пережили страны Запада», — пишет Анна Роткирх, финский социолог, изучавшая сексуальные автобиографии петербуржцев трех поколений [Роткирх, 2011, с. 11]. Размышляя о сфере интимного в повседневной жизни советских граждан, юность которых пришлась на 40–60-е годы прошлого века, вспоминаешь еще и о банальном отсутствии контрацепции и запрете абортов вплоть до середины 50-х годов.

А специфика жилищных условий, когда «в полутора комнатах» ютились целыми семьями, кардинально сдерживала юношеские страстные порывы [Бродский, 2001]. И все это так или иначе является отличительными чертами того поколения, теми условиями их жизни, которые современным молодым людям практически незнакомы. Во время молодости наших бабушек и дедушек в советском обществе только начинались некоторые смысловые изменения в отношениях между полами.

И в ответах некоторых женщин проскальзывало скрытое отношение к своему телу: это своего рода отчуждение, если не от тела как такового, то от сексуальности, физического удовольствия. Например, Галина Николаевна завершает череду ответов на блок вопросов об интимном опыте словами: «Ну, как сказать, я-то к этому делу как-то относилась всегда так, не главное для меня было». В ее словах нет огорчения, просто непонимание, мол, а чего от этого всего еще можно ждать? Для чего все это, если не для семьи, если не ради детей. Над этим отчуждением от сексуальности иронизирует другая собеседница, 74-летняя Валентина Антоновна (фрагмент 6).

Фрагмент 6. Валентина Антоновна, 74 года, Самарская область, г. Тольятти

И: Валентина Антоновна, оцените в целом, как сложилась ваша интимная жизнь? Отлично, хорошо, удовлетворительно или плохо?

Р: Хреново!.. Ну, муж всегда говорил, что я фригидная! Плюнул-вынул, и все!

И: Поняла, то есть, плохо, поняла вас.

[Дмитрий] Подобные суждения мы можем найти и у молодых девушек вашего поколения. Мало ли среди ваших сверстниц тех, кто ломает свою сексуальность в отношениях, не может выразить себя, не может найти партнера? Такими историями полон интернет. И негативное отношение к личной сексуальности у пожилого скорее маркирует его личную трагедию, чем намекает на трагическую судьбу целого поколения.

[Ольга] В интервью я слышу самоиронию вновь и вновь. Возьмите слова 79-летней Анны Михайловны, которая ровно так же, как предыдущая респондентка, не осталась удовлетворена своей интимной жизнью (фрагмент 7). Здесь, кстати, любопытно еще то, как интервьюер сама с некоторым стеснением поясняет вопрос, неловко на такие темы говорить, непривычно.

[Дмитрий] В этом фрагменте куда важнее признание в том, что невозможно вести разговор на эту тему. Взаимный смех не просто смягчает ситуацию, он позволяет о ней говорить. Для меня это лишь подчеркивает открытость женщины для подобных разговоров, переживания, осмысления ситуации, а, возможно, и открытость решениям, принятым с целью восполнить лакуны в интимной жизни. Интервьюер не продолжает развивать тему, следует стандартизированной анкете. Так за рамкой разговора остается целая жизнь, та самая интимность, до которой мы хотим добраться.

Фрагмент 7. Анна Михайловна, 79 лет, г. Самара

И: Нет-нет, имеется в виду... Ну... Секс! Интимные отношения (смех).

Р: Я про это даже разговор не могу вести, у меня дед болел всю жизнь, на гормонах сидел, я и в голове не веду об этом!

И: Поняла. Ну, такой вопрос... В каком возрасте они закончились у вас тогда вот эти отношения сексуальные, интимные? Можете сказать?

Р: Да я уже и не помню даже, я еще врачу говорю: как я родила двоих, сама не знаю. Сама не знаю!

И: Поняла! (смеется)

Р: Все время болел, болел, то.. Ой! Я об этом даже в голове не ведаю!

[Дмитрий] Ни у наших собеседниц, ни у интервьюеров нет подходящего контекста, языка для разговора об интимном опыте. Неловкость возникает не столько от приватности темы, сколько от странности, неосмысленности такого разговора. Область личных переживаний, не разделяемая даже с партнером, может ли стать предметом разговора с незнакомым человеком, обращающимся не из-за любопытства, а по работе, некоторой внешней необходимости? Что это? Я вполне могу понять удивление и смех собеседников. Мы не отвечаем в анкете на вопрос, зачем это нужно нам, почему мы заводим разговор об интимности. По сути, обозначая тему и не рассказывая о наших мотивах, мы нарушаем базовую этическую норму информированного согласия. Играем в исследователей истинного знания, загоняя собеседников в темные комнаты без какого-либо намека на наши личные переживания и суждения (фрагмент 8).

Фрагмент 8. Анна Михайловна, 79 лет, г. Самара

И: (...) Скажите, пожалуйста, а сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Да ладно вам, вы прям с Москвы смешите так! На Самару! Кому мы нужны?!

[Ольга] Соглашусь с вами. Но не стоит упускать из виду то, что наши собеседники на вопрос о первом интимном опыте сами отвечают датой свадьбы. И это говорит исключительно об их личной интерпретации. Это не просто факт биографии, это то, что Валерий Голофаст [1997] назвал скрытым слоем биографического повествования. Да, это характерно в первую очередь для глубинных биографических интервью, когда мы, полевые интервьюеры, порой за несколько часов выстраиваем доверительные отношения с собеседником, но часто получаем не ту информацию, за которой изначально пришли. Информант, отвечая на наш вопрос, следует своей траектории повествования, насыщая рассказ собственными интерпретациями [Шторн, 2017]. Но и в стандартизированных интервью нас может интересовать не конкретный биографический факт, событие, которые реально произошло в прошлом, а отношение нашего собеседника к этому. Ответ на такой неудобный вопрос об интимной жизни, заданный пусть даже робким голосом интервьюера, или, напротив, четко и громко прочитанный без малейшей ужимки в голосе, позволяет нам понять те правила, по которым живут наши собеседники [Воронков, 2009]. И если они отождествляют первый интимный опыт с замужеством или женитьбой, это означает только то, что для них, в их понимании, правильно жить именно так. И дело здесь не в возрасте, в котором все произошло впервые. Именно «вышла замуж» здесь выступает некоторым условием, легитимирующим интимные отношения.

Но все же встречаются ответы, выбивающиеся из общей канвы непонимания, однотипного рассказа об интимности в рамках супружества (фрагмент 9).

[Дмитрий] Ничего удивительного. Интимность выстраивается в разговоре, и некоторые интервьюеры вполне справляются с задачей не только воспроизводства анкетных вопросов, но и установления доверительных отношений.

Фрагмент 9. Валентина Николаевна, 65 лет, Вологодская область, г. Грязовец

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: Ой, я не знаю даже уже, не помню. Где-то, наверное (пауза).

И: Сколько вам лет было?

Р: Ну, лет, наверное, восемнадцать.

И: А сейчас у вас есть интимные отношения?

Р: Нет, нет. Не могу найти (пауза) мужчину.

И: А в каком возрасте они закончились?

Р: Муж умер в 2003 году, вот. Ну, там был у меня один мужчина, четыре года я с ним была. Ну, такой, не всегда, но редко. Но было это самое. А с 2007 года нет.

[Ольга] И здесь тоже прошу заметить, с точки зрения Валентины Николаевны, очевидна связь интимной жизни и замужества. Она упоминает смерть мужа в ответе на вопрос об окончании интимных отношений. Хотя она и добавляет, что после него был еще мужчина.

Возьмем другой фрагмент. В ответах 78-летней Светланы Григорьевны сохраняется связь первого интимного опыта с выходом замуж (фрагмент 10). Говоря о том, когда интимная жизнь закончилась, она тоже сначала говорит о смерти мужа, но продолжает, что «по необходимости» была с другим мужчиной, вроде как без особого на то желания. Разве последнее не возвращает нас к сюжетам об отчуждении от сексуальности?

Фрагмент 10. Светлана Григорьевна, 78 лет, Московская область, г. Электросталь, но большую часть жизни прожила в г. Ижевске, Удмуртской ССР

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером? Сколько вам тогда было лет?

Р: Двадцать два.

И: Скажите, пожалуйста, сейчас у вас есть...

Р: Я замуж вышла, тогда и первое было (смеется).

И: А есть ли у вас сейчас интимные отношения, если нет, в каком возрасте они закончились? Сколько вам было лет?

Р: Ах, сейчас скажу. Ну, вот муж у меня в 81-м году утонул, потому что выпить любил. А потом уже по необходимости [неразбор-

чиво] пришлось второй раз. По необходимости уже. Не потому, что так уж очень хотела. А из-за здоровья. Пришлось, ну как бы, еще раз с мужчиной. Года два. Нет, ну, сколько мы жили? Года два, два с половиной. Потом разошлись и все. Не хотела даже на дух.

И: Сколько вам было лет, когда закончились отношения?

Р: В общем, как вот начались, в пятьдесят лет у меня начался климакс. Здесь такая слышимость в комнате! На кухню пойду... Знаете, вот как в пятьдесят лет начался климакс, гормональные начались нарушения, вот так и начались проблемы. Вот тогда я с мужчиной и познакомилась, а закончила вот в пятьдесят два, пятьдесят два с половиной.

[Дмитрий] Я не пытаюсь оспаривать ваше суждение. Моя безнадежная попытка подвергнуть сомнению очевидное, вытекающее из рассматриваемых обрывков интервью, направлена вовсе не на опровержение скомканного интимного дискурса. Я не пытаюсь доказать, что на самом деле все обстоит иначе. Более того, я не очень понимаю, что есть на самом деле, чтобы искать какую-то большую правду в услышанном. Я лишь пытаюсь вернуть в наш разговор сомнение в той очевидности, которую мы обнаруживаем в интервью.

Меня удивляет тот факт, что подобные разговоры ведутся уже более ста лет. Со времен начала публичных дебатов об интимном, начатых в Германии, Франции и Великобритании, продолженные в Соединенных Штатах, вот уже четыре или пять новых поколений заявляют о недостаточной сексуальности своих предшественников, о развитии культа индивидуальной любви и сладострастия, недоступного предыдущим поколениям [Гидденс, 2004]). Если обратиться к работам Мишеля Фуко, исторические границы проблематизации сексуального и конфликта поколений раздвигаются еще на несколько столетий [Сокулер, 2007; Фуко, 1998, 2004]. Сомнительно, что мы имеем дело с некоторым поступательным движением, скорее, перед нами фигура спирали, а то и замкнутого круга, в котором предыдущий опыт маркируется как недостаточно проявленный, полный и реализованный.

За противопоставлением былого и настоящего скрывается ваше растворение в последнем. Объясняя услышанное, находя новые доказательства усвоенному различению, вы невольно воспроизводите текущий медийно обусловленный дискурс. Но в большом массиве аудиозаписей мы можем найти и противоположные суждения. Так, 92-летняя Зинаида Ивановна называет себя «гулящей», называя за свою жизнь лишь двух мужчин в качестве партнеров (фрагмент 11).

Фрагмент 11. Зинаида Ивановна, 92 года, Чувашская республика, г. Шумерля

И: А сейчас у вас есть интимные отношение? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Сейчас они быть не могут, у меня никаких партнеров нет, но человек я гулящий! (смеется). Один у меня умер, потом перешла в этот дом, нашелся у меня человек, мы с ним жили долго — лет двадцать жили, всяко было, он тоже умер. А сейчас я старый человек, одна.

[Дмитрий] В этом коротком разговоре не возникает отсылки к возрасту, как причине отсутствия интимности. «У меня никаких партнеров нет», — в этом причина. В свою очередь старость определяется через одиночество, а не возраст. Слова 92-летний Зинаиды Ивановны вполне могли принадлежать ее детям или внукам, так могли сказать и вы. Где здесь разница в поколениях, уходящие в прошлое представления?

[Ольга] Эти «уходящие реалии» — то, что нынче уже вызывает скорее умиление и чаще даже непонимание, отторжение, — видны именно тогда, когда Зинаида Ивановна называет себя «гулящим человеком», аргументируя это отношениями с двумя мужчинами за всю свою жизнь. С обоими этими мужчинами она прожила довольно долго. Разве можно представить подобное среди, положим, моих сверстников?

[Дмитрий] Безусловно, этот фрагмент не доказывает отсутствие различий. Он лишь проблематизирует несомненность их наличия. Выделенные вами фрагменты скорее указывают на приглушенную женскую сексуальность, неуместность подобного разговора, удивление и непривычность его ведения, нежели на причинно-следственную зависимость интимности и замужества в представлениях пожилых женщин.

Мужское разнообразие

[Ольга] Я готова согласиться, что неуместность подобного разговора, проговаривание такой темы, как интимная жизнь, накладывает отпечаток на реакции респондентов. Но именно их реакции и важны. Ведь, если вдуматься, что первая ассоциация, возникающая в связи с упоминанием интимного опыта, — это замужество, сразу становится понятна та рамка, которая и задает восприятие своей сексуальности нашими собеседницами. Ответы женщин похожи. Лишь единицы не связывают первый интимный опыт с замужеством, последний — со смертью мужа или разводом. Помимо отчуждения от своего тела в смысле сексуальности, физического наслаждения, пожилые женщины демонстрируют жесткую функциональность интимной жизни. Секс для рождения детей. Одни мужчины им вторят (фрагмент 13), другие, напротив, допускают вольности в разговоре (фрагмент 12). Василий Иванович — тот самый респондент, что на 60-м автобусе ездил в молодости на пляж. Он называет интервьюера по-свойски «Владимировна» по отчеству, но на «вы». Говорит весело, с задоринкой. Интимная жизнь закончилась восемь лет назад, когда умерла его жена. Но вот первый интимный опыт в шестнадцать лет. В контексте прослушанных интервью сложно представить, чтобы такой ответ дала одна из женщин.

[Дмитрий] В стандартизированных интервью с мужчинами мы упускаем интервьюеров. Как правило, это женщины с приятным голосом. Смех, шутки, ирония над собой не в последнюю очередь связаны с собеседницей. Не берусь проводить аналогии, но больший оптимизм вполне может связан с гендерными особенностями коммуникации, а никак не с общим мировосприятием постаревших мужчин.

Фрагмент 12. Василий Иванович, 80 лет, Республика Крым, г. Севастополь

И: А оцените в целом, как сложилась ваша интимная жизнь? Отлично, хорошо, удовлетворительно или плохо?

Р: Отвечаю на вопрос, Владимировна: три правнучки, два внука и внучка! (смеется) Как вы оцените? (смеется)

Фрагмент 13. Александр Иванович, 72 года, Ростовская область, село Кошары

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: Как это понять — с партнером?

И: С женщиной!

Р: Ну, я ж женился!

И: Ну, во сколько это было? Сколько вам было лет?

Р: Двадцать пять лет.

И: А сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: После смерти жены. (...) Около семидесяти было.

[Ольга] Я не встретила среди женщин развернутых рассказов о своей интимной жизни. Все довольно сжато, по-семейному рассудительно. У мужчин иначе. Например, 79-летний Виктор Иванович без какого-либо стеснения рассказывает о своей интимной жизни (фрагмент 14). Вспоминает молодую женщину, с которой были интимные отношения после смерти жены. Но все же первый интимный опыт у Виктора Ивановича случился уже после армии, в браке с законной женой. С молодой женщиной («стыдно говорить, ей тридцать шесть лет!») у него «была близость, два раза в неделю». Об удовлетворенности своей интимной жизнью респондент отвечает развернуто, не скрывая особенностей отношений с обеими женщинами.

[Дмитрий] Не думаю, что мы можем говорить о развернутых ответах и со стороны мужчин, — скорее разнообразных, включающих больше событий и лиц, которые мы как слушатели можем связывать с сексуальной жизнью. Опросный инструмент и не предпола-

гал исповедального жанра, не подталкивал к раскрытию деталей. Скорее бросается в глаза отсутствие каких-либо историй, анекдотов, обобщений, развернутых рассуждений с переходом к мировоззренческим вопросам, что обязательно присутствует в массиве количественных интервью по значимым для респондентов темам. Здесь мы фиксируем весьма скудные фактологические рассказы, демонстративную сдержанность и сухость речи до того вполне разговорчивых собеседников.

Интимная жизнь слишком важна для собеседников, чтобы с легкостью находить аналогии в ином, травить анекдоты, описывать факты биографии. Возможно, то, что мы воспринимаем как неартикулированность, непродуманность, отчужденность от сексуальной тематики, есть, напротив, маркер большой глубины, ответственности за произносимые слова. И это куда в большей степени относится к женщинам, нежели к мужчинам.

Фрагмент 14. Виктор Иванович, 79 лет, Саратовская область, г. Балашов

И: В каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером?

Р: В каком возрасте... Да я вот одну девушку похоронил. После жены пять лет ничего у меня не было, приходили женщины [нрзб], а потом эту молодуху — тридцать шесть лет была, — утонула пьяная...

И: Нет, здесь имеется в виду, в каком возрасте у вас была первая интимная близость с партнером, ну, то есть в молодости.

Р: А, вообще, когда? Даже до женитьбы, что ли? А, до женитьбы. Нет, это я только когда после армии пришел, тогда только, а до женитьбы у меня ничего не было.

<...>

И: Оцените в целом, как сложилась ваша интимная жизнь? Отлично, хорошо, удовлетворительно или плохо.

Р: Я б не сказал, что плохо, но и не отлично. С молодой, конечно, там совсем по-другому. Они ж молодые, можно говорить вам, да? Ей же больше надо, молодая женщина. Конечно, ей надо. А я-то столько не... Я ей и сказал, что, пожалуйста, хочешь себе молодого, только не тут, где я живу, а на стороне... Она так и делала!

И: Угу, ну, а скажите, а как в целом сложилась ваша интимная жизнь? Какой вариант мы выберем? Отлично, хорошо, удовлетворительно или плохо?

Р: Средний!

И: Удовлетворительно, да, можно отметить?

Р: С женой было, конечно, нам отлично. Че там говорить, но вот двенадцать лет ее нету. О чем тут, с женой нормально. Но вот де-

тей — она аборты делала, не хотела, один сын у меня единственный. Нормально все. С женой, а с этой — нет, конечно. Средне, средне. Не плохо, и не отлично.

[Ольга] Пусть я отобрала не так много интервью, но и на этом массиве мужчины выглядят индивидуальней, их опыт разнообразней, рассказ об интимной жизни насыщенней. Кроме семейных отношений, типичных и вполне узнаваемых, тут же встретились и упоминания художника о сексе как растрате энергии (фрагмент 15), и описание ухода в монастырь (фрагмент 16). В ответах нет отчуждения от сексуальности. Более того, Анатолий в свои 75 лет спокойно говорит, что сексуальность никуда не делась, она проявляет себя и в старшем возрасте.

Фрагмент 15. Валерий Михайлович, 81 год, г. Кострома

И: А скажите, пожалуйста, а сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Нет, я... Вообще как-то в смысле этого — у нас же такая профессия, понимаете... Интимная связь — это энергия, это затрата, очень сильная, много энергии. Вот и получаются всякие, в общем, дела.. И поэтому мне как художнику приходится себя беречь.

И: Берегли себя, да?

Р: Да. Чтобы не было лишней энерготраты, приходится себя, в общем, остерегаться от этих дел.

Фрагмент 16. Анатолий, 75 лет, Белгородская область, село Зеленые горы

И: Скажите, а сейчас у вас есть интимные отношения? Если нет, то в каком возрасте они закончились?

Р: Ну как... Как бы оно и до сих пор, как бы сказать, будоражить, но стараешься от этого, как бы сказать... Избавлять!

И: Ну, а закончились когда? Вы ушли в монастырь, и закончились? Или еще раньше?

Р: А, конечно, как уехал в монастырь.

[Ольга] Посмотрите сами: в ответах мужчин и женщин прослеживается смысловая близость интимного опыта и супружества. Ценности, которые они транслируют, постепенно становятся все менее и менее актуальными для современного человека. То, о чем говорят люди старшего поколения, а, точнее, то, как они говорят о своей жизни, — это реальность, которая ушла в прошлое, и описать ее, сохранить в памяти можно только благодаря разговорам с пожилыми, с людьми, мыслящими теми структурами, которые для нас порой уже совсем непонятны и чужды.

(Не)публичность интимного

[Дмитрий] Я вижу эту ситуацию иначе. Возможно, причина в моей близости к этой возрастной группе. Для вас это поколение дедушек и бабушек, для меня — родителей. Я не чувствую значительных различий, не могу принять риторику уходящего, безвозвратно утерянного былого целомудрия, без опыта интимной жизни, привязанной к замужеству. За такими ответами скорее вижу отсутствие публичного языка, нетипичность ситуации, неуклюжесть и сбивчивость интервьюеров, соглашающихся, поддерживающих подобное отождествление интимности и брака.

Чувственная любовь — это не только хрупкие и незащищенные отношения между близкими людьми, это и неприкрытое покушение на социальность. Поэтому «общества постоянно создают разного рода институты по "организации" любви и, в особенности, связанных с любовью практик», — пишет Рубен Апресян. «Одна из задач морали как средства внутриличностной саморегуляции, может быть, и не состоит в поддержании "порядка любви" (если иронично воспользоваться выражением М. Шелера), но уж точно — порядка в любви» [Апресян, 2005, с. 61]. Возможно, пожилые острее чувствуют бессмысленность, ненужность, нерациональность публичных разговоров об интимном именно в силу их разрушительной природы по отношению к сложившемуся социальному порядку.

Зачем говорить о личном в контексте его тотального отрицания и подавления? Есть ли смысл в обсуждении приватного в такой перспективе? Возможно, речь вовсе не нужно вести о людях старшего поколения. Поставь в подобную ситуацию интервью юношей или девушек вашего возраста, и мы зафиксируем подобные уклонения от разговора. Тема секса по-прежнему остается одной из табуированных, разговор об этом требует значительных усилий от собеседников, и это мало зависит от возраста. Примером могут служить социальные эксперименты со студентами, которые проводила Наталья Масленкова [2011], начиная публичный разговор о сексуальных отношениях. В результате она получила целую палитру табуированных тем среди юношей и девушек, но сама запретность и трудность сексуальной тематики не была подвергнута сомнению.

[Ольга] Я слышу вас, но и вы послушайте меня. Удивительно жить тогда, когда многое меняется стремительно и бесповоротно, когда еще живы люди, видевшие Вторую мировую, поднятие целины, первомайские демонстрации, и уже родились те, кто познает современную технику раньше, чем учится ходить.

Мне 27 лет, возможно, ровесники или люди постарше не увидят в предмете нашего обсуждения ничего неожиданного, особенного, напротив, кто-то подумает: «Что такого? Это без того понятно!» Но моя задача — не удивить, а описать со слов очевидцев уходящие реалии, которые совсем недавно были частью повседневности советского человека. Та картина мира, которая конструировалась на основе устоявшихся норм и нравственных ценностей во времена молодости наших бабушек и родителей, сейчас уже кажется совершенной архаикой и вызывает

> умиление, а порой и протестные порывы у молодого человека, представителя нового «креативного класса», со свободой нравов и стремлением к бесконечно полной эмоциональной жизни. Мое поколение тридцатилетних, как и любое другое поколение, постоянно находится перед выбором: идти по протоптанному пути или искать новый.

Мы не смогли договориться, не сумели увидеть общие, разделяемые в разговорах смыслы. За манерой речи, доводами и аргументами для каждого из нас проступило свое, личное, значимое. И то, что пожилые не готовы говорить о своей интимности, не идут на развернутые ответы, не рассуждают, закрывает их сексуальную жизнь не только от интервьюера, но и от них самих. Одни скажут, что это старость, другие припишут целому поколению отсутствие интимного опыта. Но мы уверены — это не что иное, как наше общее неумение говорить об интимном, проблематизировать самую важную составляющую человеческой жизни. Уходящий мир уходит и забывается не сам по себе, мы выступаем активными участниками этого забвения.

На прямой вопрос о наличии интимных отношений 18% опрошенных говорят об их наличии, 75% — отсутствии, и 7% отказываются отвечать на этот вопрос, считая его неуместным и недопустимым для телефонного опроса. Всем ответившим, что у них нет в настоящий момент интимных отношений, задавался вопрос о том, когда они прекратились. Большинство респондентов (как мужчин, так и женщин) назвали возраст официального выхода на пенсию мужчин — 60 лет. Также выделяются пятилетия от 45 до 70 лет включительно. Таковы цифры, за которыми скрываются интимные истории респондентов, непроговоренные, непонятые, забытые.

Легко начать методологическое морализаторство о неправильно выбранном подходе, о необходимости заменить стандартизированные интервью глубинными, качественными. Смысла в этом мало. Любое интервью — это прежде всего разговор, стандартизация которого лишь внешняя, наносная характеристика. Мы видим, как детальный разбор транскриптов состоявшихся разговоров разрушает привычное различение на качественное и количественное, делает его несостоятельным, ненужным для анализа. Когда отпадает потребность в истинном описании дел (распределений в количественном анализе и смыслов — в качественном), тогда и становится возможным научное исследование: «Наука должна рассматриваться не как последовательные и все более глубокие попытки понимания сексуальности в ее подлинности и природе, а как свидетельства исторически изменяющегося отношения человека к сексу. Применительно к исследованиям сексуальности научные материалы дол-

жны восприниматься как документы человеческой жизни (жизни человечества), подлежащие анализу, а не как описание истинного положения дел» [Ионин, 2003, с. 32].

Задача исследователя — не объяснять за других, не объективировать мир собеседников, а толковать и перетолковывать услышанное в собственной системе координат. Субъективность совсем недавно определялась как недостаток научного исследования или рассматривалась как один из показателей структурированного взгляда на мир [Убайдуллаева, 2005].

Мы же утверждаем, что наибольшим недостатком, закрывающим от нас мир социальных взаимодействий, выступает его объективация, поиск однозначных, независимых от человека причинно-следственных связей, игра в субъектно-объектные различения. Разобраться бы со своей жизнью, и через это увидеть жизни других. Автоэтнография — это перетолкование социального опыта в перспективе личного, единственная возможность оставаться честным, не скрывать собственную беспомощность под покровом наукообразного славословия.

Список респондентов

Александр Иванович, 72 года, Ростовская область, село Кошары
Анатолий, 75 лет, Белгородская область, село Зеленые горы
Анна Михайловна, 79 лет, г. Самара
Валентина Антоновна, 74 года, Самарская область, г. Тольятти
Валентина Ивановна, 79 лет, Новосибирская область, Венгеровский район, село Ключевое
Валентина Николаевна, 65 лет, Вологодская область, г. Грязовец
Валерий Михайлович, 81 год, г. Кострома
Василий Иванович, 80 лет, Республика Крым, г. Севастополь
Виктор Иванович, 79 лет, Саратовская область, г. Балашов
Галина Николаевна, 72 года, Московская область, г. Пушкино
Зинаида Ивановна, 92 года, Чувашская республика, г. Шумерля
Любовь Федоровна, 75 лет, г. Ростов-на-Дону
Светлана Григорьевна, 78 лет, Московская область, г. Электросталь
Тамара Алексеевна, 69 лет, Белгородская область, г. Старый Оскол

Библиография

Апресян Р.Г. (2005) Принцип наслаждения и интимные отношения. *Человек,* (5): 56–66.

Бродский И.А. (2001) *Полторы комнаты. Сочинения Иосифа Бродского. Том V,* СПб.: Пушкинский фонд.

Воронков В. (2009) Размышления о полевом исследовании (вместо введения). В. Воронков, Е. Чикадзе (ред.) *Уйти, чтобы остаться: социолог в поле*, СПб.: Алетейя: 5–16.

Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*, СПб.: Питер.

Голофаст В.Б. (1997) Три слоя биографического повествования. В. Воронков, Е. Здравомыслова (ред.) *Биографический метод в изучении постсоциалистических общества*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 23–26.

Ионин Л.Г. (2003) Генитальная конституция модерна. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (2): 21–39.

Лебина Н. (2014) *Мужчина и женщина: тело, мода, культура. СССР — оттепель*, М.: Новое литературное обозрение.

Масленкова Н.А. (2011) Разговор о запретном в публичном пространстве: к вопросу о гендерных различиях коммуникативных стратегий. *Современный дискурс-анализ*, (2): 57–65.

Левада Ю.А., Шанин Т. (ред.) (2005) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*, М.: Новое литературное обозрение.

Рогозин Д.М. (2015) Как работает автоэтнография? *Социологическое обозрение*, (1): 224–273.

Рогозин Д.М., Колосов А.В. (2016) (Со)Переживание близости смерти. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, (6): 194–216.

Роткирх А. (2011) *Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев*, СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сокулер З.А. (2007) М. Фуко «История сексуальности». *Человек: образ и сущность*, (1): 119–196.

Убайдуллаева Р.Т. (2005) О методологии структурированных показателей субъективного в социологическом исследовании. *Социологические исследования*, (8): 24–33.

Фуко М. (1998) *Забота о себе. История сексуальности — III*, Киев: Рефл-бук.

Фуко М. (2004) *Использование удовольствий. История сексуальности (Том 2)*, М.: Академический проект.

Чельцова Ю.А. (2009) Требования, предъявляемые к научному стилю речи. Известия Тульского государственного университета. *Экономические и юридические науки*, (1): 344–347.

Шторн Е.М. (2017) Эссе о «субличности»: двукратная попытка поговорить о насилии. *Журнал социологии и социальной антропологии*, (5): 207–221.

Adams T.E., Holman J.S. (2011) Telling stories: Reflexivity, queer theory, and autoethnography. *Cultural Studies: Critical Methodology*, 11 (2): 108–116.

Chang H., Ngunjiri F., Hernandez K. (2013) *Collaborative Autoethnography*, New York: Routledge.

Ellis C., Bochner A.P. (2000) Autoethnography, personal narrative, reflexivity: Researcher as subject. N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds) *Handbook of qualitative research* (2nd ed.), Thousand Oaks, CA: Sage: 733–768.

Ellis C. (2009) Telling Tales on Neighbors Ethics in Two Voices. *Communication Faculty Publications.* 2 (1): 3–27.

Ettorre E. (2005) Gender, older female bodies and autoethnography: Finding my feminist voice by telling my illness story. *Women's Studies International Forum,* 28: 535–546.

Holman-Jones S. (2005) Autoethnography: making the personal political. N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds) *The Sage Handbook of Qualitative Research* (3rd ed.) Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 763–791.

Richards R. (2008) Writing the othered self: autoethnography and the problem of objectification in writing about illness and disability. *Qualitative Health Research,* 18 (12): 1717–1728.

Schneider B. (2005) Mothers talk about their children with schizophrenia: a performance autoethnography. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 12 (3): 333–340.

References

Adams T.E., Holman J.S. (2011) Telling stories: Reflexivity, queer theory, and autoethnography. *Cultural Studies: Critical Methodology*, 11 (2): 108–116.

Adams T.E., Holman J.S., Ellis C. (2015) Autoethnography, Oxford: Oxford University Press.

Apresian R.G. (2005) Printsip naslazhdeniia i intimnye otnosheniia [The principle of pleasure and intimacy]. *Chelovek,* (5): 56–66.

Brodsky J. (1986) *In a Room and a Half. Less Than One: Selected Essays,* New York: Farrar, Straus and Giroux: 447–501.

Chang H., Ngunjiri F., Hernandez K. (2013) *Collaborative Autoethnography,* New York: Routledge.

Chel'tsova Iu. (2009) Trebovaniia, pred"iavliaemye k nauchnomu stiliu rechi [Requirements to the Scientific Style]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki,* (1): 344–347.

Ellis C., Bochner A.P. (2000) Autoethnography, personal narrative, reflexivity: Researcher as subject. N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds) *Handbook of qualitative research (2nd ed.)*, Thousand Oaks, CA: Sage: 733–768.

Ellis C. (2009) Telling Tales on Neighbors Ethics in Two Voices. *Communication Faculty Publications*, 2 (1): 3–27.

Ettorre E. (2005) Gender, older female bodies and autoethnography: Finding my feminist voice by telling my illness story. *Women's Studies International Forum*, 28: 535–546.

Foucault M. (2004) *Ispol'zovanie udovol'stvii. Istoriia seksual'nosti [The Use of Pleasure. The History of Sexuality* (Vol. 2)], Moscow: Academicheskii proyect.

Foucault M. (1998) *Istoriya seksual'nosti — III: Zabota o sebe [The History of Sexuality — III: Care of the Self],* Kiev: Refl-buk.

Giddens A. (2004) *Transformatsija intimnosti: seksualnost', lubov' i erotism v sovremennikh obshestvakh. [The Transformation of Intimacy Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies],* St. Petersburg: Piter.

Golofast V.B. (1997) Tri sloia biograficheskogo povestvovaniia [Three layers of biographical narrative]. V. Voronkov, E. Zdravomyslova (eds) *Biograficheskii metod v izuchenii postsotsialisticheskikh obshchestva [Biographical method in the study of post-socialist society],* St. Petersburg: Centre for Independent Social Research: 23–26.

Holman-Jones S. (2005) Autoethnography: making the personal political. N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds) *The Sage Handbook of Qualitative Research (3rd ed.),* Thousand Oaks, CA: Sage Publications: 763–791.

Ionin L. (2003) Genital'naia konstitutsiia moderna [Genital constitution of modernity]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, (2): 21–39.

Lebina N. (2014) *Muzhchina i zhenshchina: telo, moda, kul'tura. SSSR — ottepel' [Man and Woman: Body, Fashion and Culture],* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Levada Y., Shanin T. (eds) (2005) *Ottsy i deti: pokolencheskii analiz sovremennoi Rossii [Fathers and Sons: generational analysis of contemporary Russian],* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.

Maslenkova N.A. (2011) Razgovor o zapretnom v publichnom prostranstve: k voprosu o gendernykh razlichiiakh kommunikativnykh strategii. Sovremennyi diskurs-analiz [Talk about the forbidden in public space: the issue of gender differences in communicative strategies] *The today's discourse analysis,* (2): 57–65.

Richards R. (2008) Writing the othered self: autoethnography and the problem of objectification in writing about illness and disability. *Qualitative Health Research,* 18 (12): 1717–1728.

Rogozin D. (2015) Kak rabotaet avtoetnografiya? [How Autoethnography Works]. *The Russian Sociological Review*, 14 (1): 224–273.

Rogozin D.M., Kolosov A.V. (2016) Experience of empathy to death. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes,* (6): 194–216.

Rotkirkh A. (2011) *Muzhskoi vopros: liubov' i seks trekh pokolenii v avtobiografiiakh peterburzhtsev, [The Man Question: Love and Sex of Three Generations in Autobiographies of Residents of St. Petersburg],* St. Petersburg: EUSP Press.

Schneider B. (2005) Mothers talk about their children with schizophrenia: a performance autoethnography. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing,* 12 (3): 333–340.

Shtorn E. M. (2017) Esse o sublichnosti: dvukratnaja popitka pogovorit' o nasilii [An Essay on Sub-Personality.: a Two-Time Attempt to Speak about Violence]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 20 (5): 207–221.

Sokuler Z.A. (2007) M. Foucault "Istoriia seksual'nosti" [History of sexuality]. *Chelovek: obraz i sushchnost',* (1): 119–196.

Ubaidullaeva R.T. (2005) O metodologii strukturirovannykh pokazatelei sub"ektivnogo v sotsiologicheskom issledovanii [About the methodology of structured indicators of the subjective in a sociological study]. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (8): 24–33.

Voronkov V. (2009) Razmyshleniia o polevom issledovanii (vmesto vvedeniia) [Reflections on field research]. V. Voronkov, E. Chikadze (red.) *Uiti, chtoby ostat'sia: sotsiolog v pole [Leave to stay: sociologist in the field],* St. Petersburg: Aleteiia: 5–16.

Рекомендация для цитирования/For citations:

Пинчук О.В., Рогозин Д.М. (2018) «На пляж шестидесятым автобусом»: автоэтнографические толкования стандартизированных интервью с пожилыми людьми об интимной жизни. *Социология власти*, 30 (1): 101-124.

Pinchuk O.V., Rogozin D.M. (2018) "Getting to the beach by bus": autoethnographic interpretations of structured interviews with older people on intimate life. *Sociology of Power*, 30 (1): 101-124.

Поступила в редакцию: 11.01.2018; принята в печать: 20.03.2018